

П. А. АЛИПОВ

НОВЫЕ КОНТУРЫ ТЕОРИИ ДИФфуЗИОНИЗМА ПАНТЕОН ПАЛЬМИРЫ В ТРУДАХ М. И. РОСТОВЦЕВА И К. ХОПКИНСА

В статье анализируется научное наследие выдающегося русского и американского ученого М.И. Ростовцева, известного своей интерпретацией социально-экономической истории античного мира, а также одного из его учеников – Кларка Хопкинса. Их труды, посвященные проблеме происхождения ряда религиозных культов в древней Пальмире, рассматриваются в тесной связи с вопросом о теоретико-методологических основаниях научной школы Ростовцева, созданной им в США. Автор приходит к выводу, что фундаментом интеллектуального творчества этой группы историков послужила существенно модифицированная ими теория диффузионизма.

Ключевые слова: *М.И. Ростовцев, К. Хопкинс, античная Пальмира, Дура-Европос, эллинизм, теория диффузионизма*

Имя М.И. Ростовцева (1870–1952) известно большинству специалистов в области классических исследований. Почетный доктор четырех университетов (Оксфорда, Кембриджа, Гарварда и Висконсина), профессор древней истории в Йеле, президент Американской Исторической Ассоциации (1935) – вот лишь малая часть его званий. В 1929 г. президент Йельского университета Дж.Р. Энджелл упомянул Ростовцева в качестве одного из трех здравствовавших на тот момент мировых лидеров в своей сфере и охарактеризовал его как самого выдающегося ученого во всем Йеле¹. В то же время об учениках антиковеда известно гораздо меньше. Между тем, сам Ростовцев был уверен, что положил основание новой научной школе в Йельском университете. Когда в 1938 г. ему предложили перейти на постоянную работу в еще более престижное учебное заведение – Гарвардский университет, он после некоторых колебаний ответил отказом. Причины такого решения он объяснил в письме близкому другу, выдающемуся социологу П.А. Сорокину. Ростовцева не в последнюю очередь беспокоил тот факт, что он «создал [в Йеле – П.А.] школу молодых ученых», которые, соответственно, нуждались в его поддержке (письмо от 9 октября 1938 г.)².

Данное утверждение выдающегося антиковеда до сих пор не привлекало внимания историков исторической науки, а между тем оно порождает комплекс вопросов, вписывающихся в рамки схолярной проблематики. Кого можно считать членами научной школы Ростовцева?

¹ Бонгард-Левин 1997. С 177.

² Ростовцев 1997. С. 196.

Какова была интеллектуальная база этой ученой группы, какие теоретико-методологические положения составляли фундамент научного творчества ее представителей? Имели ли идеи, выдвинутые ими, какой-либо длительный эффект для развития своей отрасли знания? Все перечисленные проблемы заслуживают самого пристального изучения.

Профессор и его ученик

Кларк Хопкинс (1895–1976) был в числе первых американских учеников Ростовцева. Этот историк и археолог изучал древнюю историю в Университете штата Висконсин как раз в то время, когда Ростовцев только начал читать лекции в США после эмиграции из советской России (он работал в Висконсине в 1920–1925 гг.). В дальнейшем, как известно, российский ученый занял пост профессора в Йельском университете (на котором оставался с 1925 г. до конца своей жизни). Это положение позволило ему выступить инициатором, а затем и возглавить масштабные археологические раскопки в Дура-Европос, римско-парфянской крепости на реке Евфрат (1928–1937). В этот период Хопкинс стал его ближайшим помощником. Молодой специалист принимал участие в работах с самого их начала и уже со второго сезона вступил в должность руководителя полевых исследований (оставался им с 1931 по 1935 гг.). Поскольку Ростовцев в силу ряда причин не мог лично присутствовать в месте проведения раскопок, он руководил проектом по переписке³. Хопкинс с завидной регулярностью посылал Ростовцеву в Йель детальные отчеты о ходе работ в Дура-Европос, подписанные одинаково: «Как всегда, Ваш старый ученик, КХ»⁴.

Проследить влияние идей Ростовцева на труды Хопкинса представляется чрезвычайно важным, поскольку это позволит сделать шаг в сторону выявления наследия Ростовцева в американской исторической науке и оценки его собственного утверждения о том, что он является основателем новой научной школы классических исследований.

Одной из ключевых тем истории эллинизма, как для Ростовцева, так и для Хопкинса, был вопрос о происхождении религиозных воззрений, бытовавших в древности на Ближнем Востоке. Оба ученых пытались, в частности, объяснить особенности возникновения и трансформации некоторых пальмирских культов, получивших в регионе особое развитие. И хотя с тех пор изучение искусства и религии Пальмиры значительно продвинулось⁵, теоретическая составляющая их работ по-прежнему вызывает значительный интерес.

³ За десять лет раскопок Ростовцев посетил Дура-Европос только дважды – в 1928 и 1934 гг. Такой стиль руководства послужил поводом для ряда критических замечаний со стороны современных исследователей. См., в частности: Миллар 1996.

⁴ Бадер, Бонгард-Левин, Мэтесон 1997. С. 531.

⁵ См.: Colledge 1976; Teixidor 1979; Kaizer 2002.

Кларк Хопкинс о пальмирских богах в Дура-Европос

В 1931 г., занимаясь исследованием развалин святилища пальмирских божеств в Дура-Европос, Хопкинс опубликовал статью с соответствующим названием – «Божества Пальмиры в Дура-Европос»⁶, которая стала, возможно, главным итогом его участия во втором (но первом для него) сезоне раскопок крепости на Евфрате (с октября 1928 г. по апрель 1929 г.). В том же году был опубликован предварительный отчёт о раскопках⁷, где все находки этого сезона были тщательно описаны и систематизированы. Самый большой раздел этого тома был почти целиком написан Хопкинсом⁸. Но притом, что, как правило, редакторы отчетов по раскопкам в Дуре брали на себя ответственность обобщить текущие результаты исследований и предлагали свои трактовки важнейших событий в истории города, Хопкинс, лишь недавно примкнувший к проекту, не дерзнул заявить о себе столь смело. Данным обстоятельством, вероятно, и объясняется то, почему он решил вместо этого представить свои размышления отдельно – на страницах официального печатного органа американских востоковедов. Между тем статья о божествах Пальмиры является не только первым аналитическим трудом Хопкинса, основанным на археологических данных, полученных главным образом в Дура-Европос, но и вообще первой значимой работой ученого.

В центре исследования Хопкинса находится вопрос о направлении культурных и особенно религиозных влияний на Ближнем Востоке в период, непосредственно предшествовавший возникновению христианства. Выводы автора основываются на тщательном анализе фресок, найденных в т.н. «святилище пальмирских божеств» в Дура-Европос⁹. В *наосе* и *пронаосе* этого святилища были обнаружены шестнадцать изображений. Эпиграфические свидетельства позволяют отнести самые ранние из них к I в. до н. э., что дает основания ученому утверждать: «Именно через интерпретацию этой серии фресок... может быть получено наше знание о культах I в. до н. э.»¹⁰.

Историк отмечает: сам факт того, что святилище было посвящено исключительно пальмирским богам, следует рассматривать как доказательство семитских корней этого культа. Триада или четвёрка божеств мужского пола, включавшая Зевса, Аглибола и Яргибола, была традиционной для пальмирской религии, но всё это совсем не обязательно означает, что данный культ был исконно пальмирским. Известно, что и Пальмира, и Дура-Европос располагались на торговых путях, а потому «так же, как семитские влияния проникали на восток через Пальмиру в

⁶ Hopkins 1931.

⁷ Baur, Rostovtzeff 1931.

⁸ Ibid. P. 20–113.

⁹ Hopkins 1931. P. 119.

¹⁰ Ibid. P. 121.

Дуру, так и восточные веяния попадали на запад – из Дуры в Пальмиру»¹¹. Религиозная сфера не была исключением из этого правила. Следовательно, принципиально важно изучить происхождение и выявить внешние характеристики культа т.н. пальмирских богов. Относительно первого, Хопкинс подчеркивает, что идея обожествления Солнца и Луны (или небесной триады Солнца, Луны и звезды является очень старой, восходящей еще к первобытному Вавилону». В то время, в правление Кира, эта триада стала символом династии Ахеменидов и почиталась также царями Элама и Понта¹². Вот в чем, с точки зрения Хопкинса, заключается причина, по которой неверно было бы думать, что почитание этих богов возникло в районе Пальмиры.

Более того, существуют весомые аргументы в пользу версии, что почитание небесной триады Солнца, Луны и Верховного божества было базовым элементом парфянской религиозной традиции¹³. Имя третьего и наиглавнейшего бога можно выяснить, сравнивая изображения из Дуры с параллельными им фресками в Пальмире. В первом случае он появляется исключительно под греческим именем Зевс, о втором варианте мы имеем гораздо более точную информацию: настоящее имя божества – Баалшамин. Хопкинс считает, что еще больше, чем имя верховного божества, восточное происхождение культа выдают художественные традиции изображения небесной триады, в которых обнаруживаются отчетливые парфянские черты. В первую очередь, он обращает внимание на костюмы т.н. пальмирских богов, особенно верховного – изображенного одетым в восточные штаны. Хопкинс замечает: несмотря на то, что в I в. до н.э. иранская одежда была вполне обычным явлением и для Пальмиры, и для Дуры, исконные сирийские длинные балахоны (*gobes*) оставались все же более распространенными в этом регионе: «И, если концепция этих богов была изначально семитской, то в самом деле странно видеть изображенный здесь иностранный костюм». Примечательно, что, даже когда позднеримская одежда вытесняет семитскую и иранскую, как в Дура-Европос, так и в Пальмире, одеяние верховного бога неизменно остается в парфянском стиле¹⁴. Это выдает устоявшуюся восточную традицию восприятия данного божества.

Второй значимый аргумент для понимания корней упомянутого культа исходит из архитектуры самого храма. Раскопки первых двух сезонов выявили сложную конструкцию здания. В его границах была обнаружена более старая часть, небольшое прямоугольное пространство, «позже встроенное в башню окружающего сооружения стены». Одна из стен этой ранней постройки сформировала собой южную сте-

¹¹ Ibid. P. 128.

¹² Ibid. P. 136.

¹³ Ibid. P. 128–129.

¹⁴ Ibid. P. 125, 127.

ну наоса здания в целом. Посвященная Зевсу надпись, алтарь, воздвигнутый в центре помещения, многочисленные граффити – некоторые из них упоминают имя верховного бога – доказывают, что именно здесь было изначальное святилище. Таким образом, для Хопкинса очевидно, что новый храм был построен на этой неудобной территории, на дальней окраине города, только потому, что «более ранний культ уже освятил это место». Он также добавляет, что сама архитектура древнего здания отнюдь не семитская. Его внутреннее пространство первоначально было ровным, почти квадратным и, возможно, содержало огненный алтарь (стены помещения были черны от дыма и сажи). Такая конструкция святилища, по мнению Хопкинса, слишком нетипична для семитских храмов, но при этом абсолютно соответствует стилистическим нормам, принятым в парфянской культовой архитектуре¹⁵.

В итоге Хопкинс приходит к следующему умозаключению. Изначальный парфянский культ небесной триады на определенном этапе своего развития встретился с новым семитским населением в Дура-Европос, и эта встреча привела к культурному и религиозному взаимопроникновению, где смешение различных элементов вылилось в нечто принципиально новое. Одним из следствий такого синкретизма явилось то, что верховный бог сохранил свою иранскую внешность, причем даже в римском варианте. Два других божества, поклонение которым не так отчетливо ассоциировалось с первичным культом огня, изменили свои парфянские имена на семитские – Аглибол и Яргибол. Хопкинс убежден, однако, что божественная триада Зевса, Солнца и Луны в целом сохранила свои восточные характеристики, восходящие ко временам Вавилона. В историческом контексте I в. до н.э. заслуживает внимания тот факт, что в сознании местного населения закрепилась четкая связь между верховным божеством парфян и правящей династией Аршакидов. Вот почему, замечает ученый, на фресках в храме, воздвигнутом именно в этот период, мы находим «изображение верховного бога в виде царя Аршакидов, отождествляемого с Зевсом»¹⁶.

В Пальмире парфянские элементы были не столь заметны и сам культ имел больше западных черт, однако же главная фигура в небесной триаде настойчиво сохраняла свою иранскую внешность¹⁷. «Следовательно, изначальный культ был основан в Дуре, а не в Пальмире. Заимствованный Пальмирой и поддерживаемый в богатом центре караванной торговли, пальмирский культ затмил в своей пышности менее известный, но оригинальный центр в Дуре»¹⁸. Для Хопкинса, таким образом, изучение процесса ориентализации, протекавшего на древнем Ближнем

¹⁵ Ibid. P. 130–131.

¹⁶ Ibid. P. 137.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. P. 130.

Востоке, приобретает не меньшую значимость, чем исследование противоположного процесса – его вестернизации.

Ростовцев о караванных богах Пальмиры

Идеи Кларка Хопкинса вполне ясны, но откуда пришел импульс, который побудил его заняться именно этой специфической проблематикой? Логично предположить, что молодого ученого вдохновил никто иной как Ростовцев. В предварительном отчете по итогам второго сезона археологических раскопок в Дура-Европос он опубликовал узкоспециальную заметку «Граффити, изображающие парфянских воинов»¹⁹, в которой поделился своими соображениями относительно обнаруженных в исследуемом регионе изображений сиро-парфянских всадников.

Ростовцев указывает, что характер фресок в Дуре (в частности обнаруженных в храме пальмирских богов) имеет много общего с весьма распространенными в сопредельных регионах изделиями из терракоты, в изобилии представленными в музейных собраниях Европы²⁰. Ученый обращает внимание на несколько статуэток из Палестины в коллекции Семитского музея Гарвардского университета и подчеркивает, что «одежда, вооружение, в особенности шлем, и украшения двух статуэток говорят о сильном иранском влиянии, и на то же иранское влияние указывают стиль (особенно художественное оформление глаз и причесок) и композиция (типичная парфянская фронтальность)». Абсолютно те же признаки обнаруживаются у некоторых пальмирских скульптур, что позволяет Ростовцеву констатировать здесь превалирование иранского элемента в общем смешанном ирано-сирийском стиле²¹. Ростовцев, таким образом, косвенно затрагивает тему, которая позже станет центральной в ранних работах его ученика – Кларка Хопкинса.

Между тем сам Ростовцев предпочел вернуться к темам, уже сделавшим его знаменитым – к вопросам социально-экономической истории древнего мира, переключив на время свое внимание с Дура-Европос на Пальмиру. В короткой, но имевшей в дальнейшем большое влияние статье «Караванные боги Пальмиры»²², он писал: «Всё любопытно в любопытном городе Пальмира», – и удивлялся, почему этим процветающим в древности регионом так пренебрегали исследователи. Он также выделил сферы, которые, на его взгляд, оказались по каким-то причинам слабо изучены: экономическая и социальная эволюция города, история его караванной торговли и религиозное развитие. Для антиковеда было очевидно, что современному специалисту не следовало загонять себя исключительно в рамки просуществовавшей совсем недолго Пальмирской империи Одената, Вабаллата и Зенобии.

¹⁹ Rostovtzeff 1931.

²⁰ Ibid. P. 194.

²¹ Ibid. P. 200.

²² Rostovtzeff 1932.

Сам Ростовцев решил сосредоточиться на вопросе происхождения караванных богов Пальмиры, что должно было помочь и пониманию отдельных аспектов религиозной, экономической и военной истории города. Он говорит о гетерогенности богов, почитавшихся в Пальмире. С его точки зрения, там не было местных божеств, некоторые из них, такие как Яргибол и Аглибол, были полувавилонскими; Адад и Атаргатиס происходили из Сирии; Астарта и Эшмун – из Финикии, и т.д. Но наибольший интерес ученого вызывают боги, главной «специализацией» которых была охрана караванов. Он напоминает: поскольку повседневная жизнь населения Пальмиры выстраивалась вокруг караванной торговли, то подобную функцию в какой-то мере исполняли практически все почитаемые там божества. Но роль двух из них – Арсу и Азизу – должна быть отмечена особо. Их происхождение и отличительные черты становятся центральной проблемой исследования. Для достижения цели Ростовцев использует материалы иконографического характера: несколько рельефов (самый значимый из них находится в собрании музея Дамаска)²³ и многочисленные тессеры, источник, особо им ценимый за информативность еще с тех пор, как он защитил докторскую диссертацию о них в 1904 г.²⁴ (текст был опубликован за год до защиты диссертации). Это были, как правило, небольшие комочки глины различной формы, украшенные рельефами, а иногда и надписями. Они использовались, с точки зрения Ростовцева, по большей части как «входные билеты на сакральные или заупокойные трапезы в честь богов и обожествленных умерших» и, возможно, также для некоторых других целей²⁵. Сравнение этих двух типов исторических свидетельств позволяет ученому сделать ряд далеко идущих выводов.

На рельефе из Дамасского музея изображено двое богов. Первый сидит верхом на верблюде и одет в штаны, обувь и кирасу римского типа. Второй восседает на лошади, держит копьё и одет в гражданскую, а не военную, одежду. Перед этими божествами стоит жрец, приносящий им жертву. Но главный элемент рельефа – посвятельная надпись, которая позволяет идентифицировать самих богов: Ростовцев уверен, что сидящий на верблюде – не кто иной как Арсу, а всадник на лошади – Азизу²⁶. Столь явная привязка упомянутых божеств к конкретным животным отчетливо свидетельствует об их происхождении. На древнем Ближнем Востоке Сирия заслужила репутацию «матери лошадей», вследствие чего историк склонен принять гипотезу о том, что Азизу было «одним из многих имен для бога-всадника северной Сирии, одним из

²³ Ibid. P. 107-109.

²⁴ Ростовцев 1903.

²⁵ Rostovtzeff 1932. P. 111. См. также: Ingholt, Seyrig, Starcky 1955; Mesnil du Buisson 1962.

²⁶ Rostovtzeff 1932. P. 109.

других наименований которого было Геннеас». Что касается Арсу, то ученый находит его родину в Аравии: верблюды были излюбленной темой изображений на пустынных скалах по всему полуострову²⁷.

Популярность этих двух богов, особенно Арсу, в Пальмире подтверждается серией глиняных тессер, тысячи которых были найдены в регионе. Интерпретация этого типа исторических источников осложняется тем, что лишь немногие из них могут быть точно датированы. Те тессеры, которые привлекли внимание Ростовцева, относятся главным образом ко II в. н.э., иногда к I или III вв. Сравнивая упомянутый рельеф с этими тессерами, ученый приходит к выводу, что для населения Пальмиры из двух божеств Арсу был более важным. Он занимает центральное место на рельефе, да и количество тессер с его изображением заметно выше, чем с изображением Азизу.

Соответственно, Ростовцев склонен полагать, что Арсу ассоциировался с божественной звездой или даже с луной, которая вела караваны ночью в пустыне. Он уверен, что для караванов ночь была важнее дня (хотя сейчас это уже не кажется столь бесспорным), а потому и само божество наделялось исключительной значимостью. Столь же значимой была и роль связанного с Арсу священного животного: верблюды не просто служили средством передвижения, но представляли собой главное богатство торговцев. Азизу возник в Пальмире как парное к Арсу божество вследствие индоевропейской религиозной традиции, согласно которой «боги священных звезд... ведшие путешественников и купцов по суше и по морю, всегда представлены в парах». Ученый уверен, что трудно найти более близкого по своей сути к арабскому богу-верблюду Арсу божества, чем сирийский конный бог Азизу²⁸. Поэтому почитание этих двух божеств в Пальмире служит для Ростовцева наиболее впечатляющим образчиком местного религиозного синкретизма.

Возвращаясь к поставленному в начале настоящей работы вопросу об особенностях и теоретико-методологических основаниях научной школы М.И. Ростовцева, мы можем определить общие контуры, которые объединяют по крайней мере этих двух историков – самого русского антиковеда и его американского ученика Кларка Хопкинса:

1. Оба ученых уделяли первостепенное внимание проблеме кросс-культурных влияний и коммуникаций на эллинистическом Ближнем Востоке, включая религиозную сферу.

2. Оба пытались принять во внимание все направления этих взаимодействий. Если до того, определяя сущность эллинизма, историки обращали внимание, главным образом, на процесс вестернизации, то Ростовцев и его ученик старались подчеркнуть не меньшую значи-

²⁷ Ibid. P. 110–111.

²⁸ Ibid. P. 111–112.

мость противоположных тенденций. Они были абсолютно уверены, что восточные культурные влияния в ближневосточном регионе были даже более ощутимы, чем западные.

3. Оба специалиста использовали схожую методологию. Они последовательно внедряли археологические находки и изобразительный материал в более широкий контекст и благодаря этому чувствовали себя в силах сделать далеко идущие выводы, касающиеся истории обширного региона и эллинистического мира в целом.

4. Оба, Ростовцев и Хопкинс, разделяли видение Пальмиры и Дура-Европос как караванных городов.

5. И, наконец, самое существенное. В обоих случаях стремление ученых локализовать центры тех или иных культур, а затем проследить пути распространения их влияния может быть воспринято как новый виток теории диффузионизма, ее модифицированный вариант. В отличие от традиционной трактовки, предполагающей «центробежное просачивание достижений культуры из одного центра во все стороны», неклассический диффузионизм «перенес центр тяжести на *смешение* и *скрещивание* разнородных культурных элементов как главный фактор образования нового»²⁹. Тем самым кардинально был изменен акцент в понимании процессов, лежащих в основе образования новых цивилизаций: постулировалось равноправие, паритетность структурных единиц, создающих культурный фундамент складывающихся надэтнических и надгосударственных образований.

Следовательно, можно утверждать с большой долей уверенности, что Кларк Хопкинс действительно принадлежал к когорте ученых, составивших особую научную школу Ростовцева в США. Если принять во внимание, что даже на закате своей жизни Хопкинс в мемуарах возвращался к раскопкам в Дура-Европос и к периоду наиболее плотного сотрудничества со своим учителем, становится очевидным, какую большую роль они сыграли в его становлении как историка и археолога. Последняя, так и не законченная монография Хопкинса, «Открытие Дура-Европос»³⁰, опубликованная уже после его смерти, стала подлинным памятником всем археологам, которые начали свой карьерный рост и сформировались как ученые, работая под руководством М.И. Ростовцева в древней крепости на Евфрате.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бадер А.Н., Бонгард-Левин Г.М., Мэтесон С. Письма М.И. Ростовцева К. Хопкинсу, Дж. Энджеллу и В. Кроссу // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОС-СПЭН, 1997. С. 530–547. [Bader A.N., Bongard-Levin G.M., Matheson S. The Letters of M.I. Rostovtzeff to C. Hopkins, J.R. Angell and W.L. Cross // Skifskiy Roman / Ed. by G.M. Bongard-Levin. Moscow: Rosspen, 1997. S. 530–547]

²⁹ Клейн 1975. Отметим, что Л.С. Клейн присваивает этому научному течению изобретенное им самим название: «комбинационизм».

³⁰ Hopkins 1979.

- Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман... С. 145–184. [*Bongard-Levin G.M.* M.I. Rostovtzeff v Amerike. Wisconsin i Yale // Skifskiy Roman... S. 145–184]
- Клейн Л.С.* Проблема смены культур в современных археологических теориях // Вестник Ленинградского университета. Серия «История. Язык. Литература». 1975. № 8. [*Klejn L.S.* Problema smeny kultur v sovremennyh arheologicheskikh teoriyah // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Yazyk. Literatura». 1975. № 8. S. 95–103]
- Миллар Ф.* М.И. Ростовцев и его роль в руководстве раскопками в Дура-Европос // Вестник древней истории. 1996. № 3. С. 184–187. [*Millar F.* M.I. Rostovtzeff i yego rol' v rukovodstve raskopkami v Dura-Europos // Vestnik drevney istorii. 1996. № 3. S. 184–187]
- Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 332 с. [*Rostovtzeff M.I.* Rimskiye svintzovyye tessery. SPb.: I.N. Skorokhodov Pr., 1903. 332 s.]
- Ростовцев М.И.* Письмо П.А. Сорокину // Скифский роман... С. 195–196. [*Rostovtzeff M.I.* The Letter to P.A. Sorokin // Skifskiy Roman... S. 195–196]
- Baur P.V.C., Rostovtzeff M. (eds.)*. The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of Second Season of Work. October 1928 – April 1929. New Haven, London, Oxford: Yale University Press, Humphrey Milford and Oxford University Press, 1931.
- Colledge M.A.R.* The Art of Palmyra. L.: Thames and Hudson, 1976.
- Hopkins C.* The Palmyrene Gods at Dura-Europos // Journal of the American Oriental Society. 1931. № 51 (2). P. 119–137.
- Hopkins C.* The Discovery of Dura-Europos. New Haven: Yale University Press, 1979.
- Ingholt H., Seyrig H., Starcky J.* Recueil des tessères de Palmyre. Paris: P. Geuthner, 1955.
- Kaizer T.* The Religious Life of Palmyra: A study of the Social Patterns of Worship in the Roman Period (Oriens and Occidens 4). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002.
- Mesnil du Buisson R. du.* Les tessères et les monnaies de Palmyre (Inventaire des collections du Cabinet des Médailles de la Bibliothèque Nationale, 2 vols). P.: E. De Boccard, 1962.
- Rostovtzeff M.I.* Graffiti Showing Parthian Warriors // The Excavations at Dura-Europos Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary Report of Second Season of Work... P. 194–200.
- Rostovtzeff M.I.* The Caravan-Gods of Palmyra // Journal of Roman Studies. 1932. № 22 (1). P. 107–116.
- Teixidor J.* The Pantheon of Palmyra. Leiden: Brill, 1979.
- Алипов Павел Андреевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки ФИИП РГГУ, palipov@mail.ru

The new contours of the diffusionism theory the pantheon of Palmyra in the works of M.I. Rostovtzeff and C. Hopkins

In the article the scholarly heritage of the distinguished Russian and American historian M.I. Rostovtzeff, widely known for his interpretation of the social and economic history of the ancient world, is analyzed from the historiographic viewpoint, as well as that of one of his students – Clark Hopkins. The author examines their works, dedicated to the problem of the origins of religious cults in ancient Palmyra, in a close connection with the question of the theoretical and methodological basis of the scientific school M.I. Rostovtzeff had founded in the USA. The conclusion is that the intellectual foundation of this scholarly group was the diffusionism theory majorly modified by its representatives.

Keywords: M.I. Rostovtzeff, C. Hopkins, ancient Palmyra, Dura-Europos, Hellenism, the diffusionism theory

Pavel Alipov, PhD in History, senior lecturer, Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, palipov@mail.ru